

Глава 15. Красный всполох огня на три тысячи чжанов

Щёлк.

Золотой дракон Куй на левом запястье Цю Бодэна ожил. Из древнего браслета он снова превратился в двух сплетённых маленьких драконов. Сцепленные клыки разошлись, шип на хвосте переднего дракона втянулся, чешуя внезапно раскрылась, и древний браслет раскололся надвое, разлетевшись в разные стороны, словно два огненных потока.

Оковы пали!

Ветер.

Пронзительный, режущий, словно нож, ветер.

Рукава его одежды от стремительного падения вытянулись в тугую красную линию. Узкие уголки глаз алели, а из кончиков пальцев, становившихся всё бледнее, выползала тьма, постепенно окутывая рукоять меча Тайи... Все цвета на нём вдруг достигли своего предела. Словно волчья кисть, безрассудно плеснувшая на белую бумагу тушь и киноварь, позволила этим трём цветам столкнуться и породить зловещую, дьявольскую красоту.

— О, дерево фу, храни наш город!

Сто тысяч человек пели в унисон, сто тысяч человек рыдали в унисон, сто тысяч человек зывали в унисон.

Семь древесных лиан выстрелили с божественного дерева Фу и со всех сторон устремились к падающему с неба Цю Бодэну.

В прекрасных зрачках Цю Бодэна отчётливо отразились их тени.

Накануне ночью, цепляясь за божественное дерево Фу, эти лианы, на фоне огромного ствола, казались тонкими и безобидными, как повой. Сейчас же, в свете городского пожара, они, вырвавшись за пределы кроны, стали толстыми, как древние питоны, а некоторые — как колёсные оси. Края их листьев, похожие на пилы, зловеще поблёскивали, будто вкусившие крови. Попади в их хватку живой человек — и в мгновение ока его кости будут переломаны.

Снизу, слева, справа — со всех сторон неслись древесные лианы. Цю Бодэн был в воздухе, ему некуда было уклониться.

Лианы слева и справа коснулись его одежды. Цю Бодэн, не уклоняясь, оттолкнулся ногой от лианы, летевшей снизу, и скользнул по ней вниз. Внезапно став лёгким, как пух, он лишил

лиану ощущения веса, и та замерла в воздухе, её листья слегка шевелились, пытаясь уловить след добычи. Листья росли парами, расстояние между ними было меньше одного чи. Цю Бодэн, прильнув к лиане, вдруг превратился в поток воды, в дуновение ветерка, бесшумно проскользнув сквозь узкое пространство между листьями.

Зазубренные края листьев отбрасывали на его лицо тени, похожие на пилы.

Густая тьма с его пальцев переползла через гарду меча Тайи и начала понемногу пропитывать белоснежное лезвие.

Лианы слева и справа столкнулись в воздухе и спутались в клубок. Оставшиеся четыре, управляемые кем-то, резко развернулись и устремились к Цю Бодэну, цеплявшемуся за лиану.

— Мы жертвуем кровь свою, храни наш город!

Цю Бодэн оттолкнулся от широкого листа и ринулся вперёд. Поперечная лиана ударила в то место, где он только что был, высекая искры. Он повернул запястье, кончик меча коснулся твёрдой, как железо, поверхности пятой лианы. Запястье опустилось! Он надавил! Гибкая передняя часть меча резко изогнулась.

Ветер завыл.

Оставшиеся две лианы, изогнувшись, устремились к нему, образуя на плоскости сужающийся вихрь. Цю Бодэн оказался в самом его центре. Лезвие меча выпрямилось с резким щелчком. Грань меча превратилась в чёрную линию, которая быстро расплзлась по обеим сторонам лезвия. Холодный блеск клинка сверкнул и погас. Он оттолкнулся и взмыл вверх, едва не коснувшись двух оставшихся лиан.

Он падал, окутанный всепоглощающей тенью.

— Ветер скорбен и горек!

Семь лиан, атаковавших Цю Бодэна в воздухе, были лишь для того, чтобы сдержать его. Пока он уклонялся, все лианы с ветвей божественного дерева Фу устремились вверх — десятки тысяч! В воздухе они сплелись в огромную круглую клетку, полностью перекрыв всё пространство. Не осталось ни единой щели.

Цю Бодэн стоял на сплетении семи лиан и, подняв голову, слушал доносящуюся из-за клетки скорбную песню целого города, охваченного ветром и горем. Лианы, словно змеи, двигались, сжимаясь, давя, и даже последние лучи света, пробивавшиеся сквозь щели, исчезли. Во тьме остался лишь кончик меча Тайи, светящийся, как снег.

Клетка сжалась.

Меч Тайи был полностью поглощён тьмой.

— Знаем ли, хранишь нас или нет!

Бум!

Густая тушь рухнула в чистую воду, и в воздухе взорвался угольно-чёрный цветок. Лианы рвались, листья разлетались вдребезги.

Цю Бодэн вырвался из клетки. Красная одежда, чёрные волосы, исполненный ярости, он держал в руке меч Тайи, превратившийся из блистающего оружия прославленной школы в злоеший клинок.

Раздался пронзительный, звонкий крик.

Из густого дыма внизу поднялась тёмная туча, которая, подлетела навстречу ветру, подхватила Цю Бодэна.

Это была серая птица!

Она не погибла!

Серая птица расправила крылья и, неся Цю Бодэна, пронеслась над бушующим огнём, над густым дымом, над рушащимися крышами, над поющими хвалебные гимны ста тысячами людей, над серебряным светом, который изливало божественное дерево Фу, и устремилась к тому месту в городе, где был зажжён небесный огонь.

Восточная третья улица, ущелье Железной жизни!

Высокая печь сияла, как солнце.

«Боже, хранишь ты нас или нет!»

Оракул перехватил алый клинок, остриём вниз. Кровь стекала по лезвию и капала в чёрную землю.

Он был ранен.

Он совершил ошибку, немыслимую для человека его уровня.

Он отвлекся в бою.

Когда Цю Бодэн прыгнул с огромной высоты, зрачки Оракула резко сузились, словно он увидел самый страшный свой кошмар. Он инстинктивно повернулся, готовый любой ценой поймать эту алую фигуру, падающую с неба. Он забыл, что находится в смертельной схватке, и алебарда из бронзы пронзила его правое плечо, оставив рваную рану.

Шестиглазый красноликий бог войны не смог воспользоваться моментом, чтобы развернуть алебарду и вспороть ему горло.

Потому что он совершил ту же ошибку.

В миг, когда браслет с драконом Куй распался, бог войны тут же повернул голову в сторону города Фу. На его багровом, как финик, лице отразилось крайнее изумление и едва уловимый... страх. В следующий миг он, бросив бой с Оракулом, отдернул бронзовую алебарду и собрался изо всех сил метнуть её в падающую с неба фигуру.

Бронзовая алебарда была отбита длинным клинком и, рухнув на землю, оставила в ней трещину глубиной в сто чжанов.

— Невозможно.

Красноликий бог войны отступил на шаг, оставив в земле глубокие вмятины.

Божественный образ высотой в сто чжанов, который даос Сюаньцин только что призвал, теперь сжался до двух чжанов. Фигура его всё ещё была высокой и мощной. На нём были доспехи тигра и шлем с леопардом, в руках — бронзовая алебарда длиной в чжан и шесть чи, на острие которой развевалась красная кисть. На наплечниках в виде тигриных голов были вырезаны древние иероглифы «Пи».

Даже для учеников школ бессмертных «Занебесье» было таинственным местом, иначе Лоу Цзян и остальные заметили бы неладное. Заклинатели называли всех богов, спускавшихся из Занебесия, «вышними богами». Это «вышние» — лишь по сравнению с такими божествами-хранителями городов, как божественное дерево Фу.

На самом деле, само «Занебесье» делилось на нижние, средние и высшие небеса. Обычно на зов смертных заклинателей откликались лишь боги нижних небес. Боги средних небес делали это изредка, а боги высших небес практически никогда не обращали внимания на просьбы смертных.

Шестиглазый красноликий бог войны по имени Пи Му был самым настоящим богом высших

небес.

— Ты видел? — равнодушно спросил Оракул.

Пи Му не ответил. Его тело вспыхнуло золотым светом, он собирался рассеять это воплощение.

— Запрет.

Тихо произнёс Оракул.

Миазмы внезапно застыли.

Бесчисленные мёртвые души и дикие призраки в тумане были уничтожены невидимой силой. Пространство в радиусе десяти ли было внезапно запечатано, отрезано от остального мира.

Золотой свет вспыхнул и погас, Пи Му с мрачным лицом остался на месте.

— Так это ты!

Шесть глаз Пи Му уставились на человека напротив, в них читались и отвращение, и крайняя опаска. Он процедил сквозь зубы:

— Ши... У... Ло.

Тусклый огонь, начавшись с подола белоснежной жреческой одежды, быстро побежал вверх. Там, где проходил огонь, цвет ткани становился темнее, словно пепел после угасшего пламени. «Оракул», перехватив алый клинок, холодно стоял на месте. Его фигура вытянулась, стала выше, черты лица, лишившись всякой напускной мягкости, стали резкими и холодными.

Последний огонёк взлетел с его плеча и, вспыхнув и погаснув, осветил серебристо-серые глаза.

— Племя колдунов Южных земель хочет враждовать с Занебесьем?

Пи Му отставил левую ногу назад, слегка ссутулился, опустил плечи и локти. Свет на острие его бронзовой алебарды погас. На его могучем теле, на доспехах тигра и шлеме с леопардом, открылись голубые глаза, словно в нём обитали тигр и леопард. Его аура стала дикой и грубой, дыхание — нечеловеческим, а звериным.

— Я поклялся.

На плече Ши Уло из раны от копья проступила кровь, расплываясь по чёрной одежде.

Только что произнесённое «запрет», насильно разорвавшее связь между высшим богом и Занебесем, было для него огромной нагрузкой. Под рукавом кровь змеёй поползла по бледной руке, но он сжимал клинок так сильно, что вздулись вены, а суставы пальцев побелели, словно раны на плече не существовало.

Убийственное намерение скрывалось за внешней неподвижностью.

Оба понимали, что это битва не на жизнь, а на смерть, но в решимости Пи Му сражаться до конца сквозило сожаление. Если бы кто-то сказал ему, что он встретит Ши Уло, он бы ни за что не сунулся в город Фу, даже если бы истинный дух десяти тысячелетнего серебряного дерева Фу мог стать основой для редкого сокровища.

Сокровище хорошо, но разве оно дороже жизни?

Ши Уло...

Он же безумец!

Безумец, появившийся тысячу лет назад из ниоткуда, о происхождении которого не знали даже самые древние боги Занебесья!

Но сейчас у Пи Му появилось смутное, ужасное предположение.

...Кажется, он понял, почему этот безумец тысячу лет убивал и рубил направо и налево, наживая бесчисленных врагов.

— Однажды я взойду по девяноста тысячам ступеней Занебесья, сокрушу все медные колокола и треножники, сожгу все прогнившие стелы и изваяния, — голос Ши Уло был тихим, словно он говорил о чём-то незначительном, но в воздухе витала глубокая ненависть и убийственное намерение, готовые вот-вот взорваться. — Я заставлю всех заплатить за то, что они должны ему...

У Пи Му внезапно возникло леденящее душу предчувствие.

Он был лишь воплощением, сошедшим в город Фу, но если этот безумец убьёт его здесь, он действительно погибнет!

Эта мысль пронеслась в его голове, и Пи Му больше не мог сохранять спокойствие. Он взревел, и бронзовая алебарда описала в воздухе полукруг. Тигр и леопард с рёвом вырвались из тени алебарды, сотрясая застывшее пространство.

— ...я заберу долг сполна!

Ши Уло взмахнул рукавом.

Длинный клинок рассёк пространство алой полосой.

Багровые искры взлетали в небо.

Восточная третья улица была поглощена морем огня. Пожар, охвативший весь город, начался именно отсюда.

Все дома на улице сгорели дотла. В огне осталась лишь одна высокая печь. Гром грохотал в ней, ревел, небесный огонь, привлечённый камнем очищения духа, кипел в её чреве. Вся печь превратилась в изрыгающее пламя чудовище, а густой дым на высоте десятков чжанов извивался, словно танцующий демон.

Костлявый «старый кузнец» сменил одежду на тёмно-синее жреческое одеяние с широкими рукавами. Он, громогласно распевая древний хвалебный гимн, бросал в печь уголь Цюйцы. Его тело было опутано бесчисленными плотными серебряными нитями, словно он был пауком, затаившимся в самом сердце своей паутины.

Паутина, слой за слоем, подрагивала в такт его пению с какой-то странной частотой.

Он пел: «Оттого сердца наши горьки и горьки», и в его голосе слышалось нетерпение паука, готового пожрать попавшую в его сети муху.

Дева-жрица из семьи Лю, А Жэнь, и унесённый ранее Е Цан, были опутаны серебряным шёлком душ, словно коконы, и подвешены над жерлом печи. Их грудь слабо вздымалась — они были ещё живы. Ждали своего часа, чтобы стать жертвой для этого злого оружия.

Бум!

Две тяжёлые марионетки из чёрного железа с грохотом рухнули на землю, разорвав множество серебряных нитей.

Голос старого городского оракула резко оборвался, и хвалебные гимны по всему городу утихли.

Он обернулся и, взмахнув рукавами, выхватил два изогнутых клинка.

Из огня вышел Цю Бодэн. Кончик его меча был опущен к земле, оставляя на ней прямую черту. Его одежда и меч непрерывно испускали и вбирали потоки тёмной, как тушь, энергии, делая его похожим на демона.

— Какая редкость, — прокрипел старый городской оракул, сгорбившись и сверкая глазами. — Раз мы оба — порождения зла, зачем нам убивать друг друга? Злое оружие, которое я выковываю, — это парные клинки. Почему бы тебе не подождать, и когда я закончу, я подарю тебе один. Разве это не будет выгодно для нас обоих?

— Хватит нести чушь.

Цю Бодэн согнул локоть, и кончик меча взлетел снизу вверх, молниеносно перерубая все серебряные нити, бесшумно подкравшиеся к его ногам. Затем, развернув запястье, он направил меч вперёд, и его острие, словно капля туши, устремилось к межбровью старого городского оракула.

— Кто позволил тебе убивать божественное дерево Фу?

<http://bllate.org/book/16967/1583550>